

ГЛАГОЛЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ЖИДКОСТИ И ДВИЖЕНИЯ ЖИДКОСТИ В ИСТОРИИ ИНДОАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Б. А. Захарьин

0. Водная среда в представлениях ариев

При анализе глаголов с семантикой 'перемещение в жидкости' (типа 'плыть / плавать' и им подобных), которые используются в ранних формах индоарийского, необходимо в первую очередь принимать во внимание весь культурно-исторический контекст, в котором происходили формирование и развитие цивилизации ариев как носителей индоевропейских языков и соответствующих культурных парадигм в Индостане.

Наиболее существенными в этом плане представляются следующие моменты:

(1) Для периода древности в целом, и в особенности для эпохи вед (условно XII—VI вв. до н. э.), унаследованные из праиндоевропейского прошлого этнокультурные и языковые ценности еще в значительной степени являлись актуальными.

(2) На самом раннем этапе существования ариев-первопоселенцев в Индостане их ведущим экономико-социальным занятием оставалось скотоводство, однако и после перехода к земледелию и к последующему становлению городской цивилизации верования, представления и навыки, типичные для скотоводческих племен, еще очень долго продолжали играть важную и не всегда вполне осознаваемую роль в сознании и практике ариев.

(3) Достаточно интенсивные и постоянные контакты с неарийскими этносами, усилиями которых задолго до прихода ариев (в III тысячелетии до н. э.) была создана — позднее пришедшая в упадок — великая Индская цивилизация, способствовали постепенному, но регулярно проникновению в язык и культуру ведических ариев новых элементов, из которых для нас особенно важными представляются ритуально-очистительные культы воды и омовений [Бэшем 1977: 23—24].

Так, на основании и лингвистических данных, и свидетельств о древнейших ритуальных обрядах можно реконструировать общие для праиндоевропейцев представления о воде как о некоей опасной природной среде, которая отграничивает мир живых от мира мертвых и которую душе умершего нужно пересечь, чтобы попасть в потусторонние «пастбища мертвых» [Гамкрелидзе и Иванов 1984: 825—826]. Подобные представления, укоренившиеся в сознании первоариев как приемников праиндоевропейцев, оставались частью «коллективного бессознательного» для жителей и древней, и новой Индии. Можно в этой связи вспомнить, к примеру, угрозы гуд-

жаратской общины лишить касты Ганди, если последний, решившись на получение образования в Великобритании, осмелится переплыть океан.

Скотоводческое прошлое протоариев также не способствовало устранению их страха перед «большой водой». Достаточно напомнить, что один из древнейших ведических богов Варуна считался в эпоху вед повелителем первозданных космических вод и ночной тьмы, а в позднейших мифах Варуна описывается как бог воды, Хозяин Западного океана, в глубинах которого он водительствоует демонами-противниками богов [Словарь 1966: 113]. В буддийских, джайнских и позднейших индуистских художественных текстах водоемы рисуются как места обитания всевозможных существ, враждебно настроенных по отношению к человеку; в эпосе «Рамаяна» воды отделяют от мира ариев остров Ланку — обиталище коварных и злокозненных ракшасов, вождем которых выступает ужасный десятиголовый Равана, похитивший супругу царевича Рамы — и т. д. и т. п.

По мере того как земледелие начало играть все возрастающую роль в жизни ведических ариев, ими осознавалась и почиталась и иная, благоносная, функция воды, особо важная в регионе тропического климата. При этом, как отмечалось, соответствующие очистительные ритуалы и обрядовые действия, связанные с водой и оможениями, в значительной степени стимулировались контактами с народами неиндоевропейского происхождения.

1. Глаголы плавания и перемещения в жидкости в протоиндоевропейском и в древнем индоарийском (общая характеристика)

Вышесказанное объясняет то, почему в лексике обеих разновидностей древнеиндийского (и ведийского, и санскрита), а также и в среднеиндийских лексических системах практически отсутствуют глаголы, обозначающие процессы *активного* плавания. Взаимодействие живого существа с водой предполагает обычно формы *пассивного* перемещения (по горизонтали или — реже — вертикали) в воде / по воде или же *омоения/обливания/купания*. Кроме того, наличествуют, разумеется, предикаты, характеризующие саму водную (жидкостную) среду, — реки, ручьи, потоки и т. п. *несут воды*, какие-томестилища *наполняются водами*; последние *текут, льются, сочатся, каплют* и т. п.

Показательно, что и в протоиндоевропейском типовой для поля 'взаимодействие с водой' глагольный корень **plew-* (> др.-инд. *plu-/plav-*) означал 'плыть/плавать (о судне, лодке)' [Гамкрелидзе и Иванов 1984: 674], т. е. 'пассивно перемещаться в водной среде'; наследовавший ему корень *plu-* древнего индоарийского в основном сохранил те же значения, хотя приобрел и некоторые новые (см. ниже).

Древнеиндийский в целом (и ведийская, и санскритская его разновидности) располагали значительным числом глаголов-членов полей 'перемещение в жидкости' и 'взаимодействие (живого существа, прежде всего человека, или предмета) с жидкой средой'. При этом почти для каждого из соответствующих глаголов обычными были комплексы значений, соотносимых с обоими указанными полями.

В ведийских текстах, и прежде всего в языке *мантр*, с достаточной степенью частотности встречаются формы от следующих глагольных корней:

*plu-*¹ 'плавать, плыть; совершать плавание; купаться; покачиваться, вертеться, бултыхаться (в воде и т. п.); веять (о ветре); постепенно удаляться, исчезать (из виду); растягиваться (об артикуляции гласных)';

sna:- 'купаться; совершать омовения (ритуальные); делаться мокрым (от слез и т. п.); умащаться';

sru- 'течь, струиться; литься потоком; истекать; капать; сочиться; становиться смытым; выскальзывать; теряться, пропадать, растворяться';

sR- 'устремляться; течь (о потоке); скользить; мчаться; двигаться; дуть (о ветре); преследовать;

ri:- 'струиться; отрываться; растворяться';

pru- 'двигаться враскачку / подпрыгивая (на волнах и т. п.); прыгать, спрыгивать; сталкивать (< каузировать прыгать)';

majj- 'погружаться (в воду), купаться; нырять, тонуть; гибнуть';

kshar- 'течь, струиться; испускать';

su- 'выжимать (воду, вино, сому <галлюциноген, использовавшийся в ведических ритуалах жертвоприношения> и т. п.)';

pR- 'наполнять';

pinv- 'переполнять; обильно течь; раздуваться, пухнуть';

sy(a)n d- 'мчаться, (быстро) проноситься; пролетать; стремительно течь;

ścut- 'просачиваться, литься, капать';

smi- 'капать, испускать влагу, сочиться', — и некоторых других.

2. Изначально «неакватические» глаголы в истории индоарийского

Не все из вышеперечисленных глаголов в плане содержания предполагали исходную соотнесенность с жидкой средой. Например, начальными значениями глагола *ri:-* в Ригведе, похоже, были 'позволять двигаться; отпускать', а уже затем появляются вторичные значения 'течь, струиться' — как в ...*vartma:nyesha:manu ri:yate ghRtam* (RV I.85.3) '...жир **струится** вслед за ними на (их) пути'² [Елизаренкова 1989: 103].

¹ Здесь и далее используется упрощенная система транслитерации: долгота гласной обозначается следующим за ней двоеточием; слоговым сонантам соответствуют литеры *R, L*; висарга представлена прописным *H*; среднеязычные носовой и щелевой передаются *ñ* и *ś* соответственно; ретрофлексные, кроме щелевого, обозначаются соответствующими зубным прописными буквами; щелевому ретрофлексному соответствует диграф *sh*; непротивопоставляемые анусвара и анунастика передаются литерой *M*. Во всех ведийских примерах по техническим причинам тоны не учитываются.

² Как это повсеместно принято, при цитировании примеров из Ригvedы первая (римская) цифра указывает на номер мандалы, вторая — на номер гимна, третья — на строфу гимна. Все переводы примеров из Ригvedы на русский язык даются по работам [Елизаренкова 1989, 1995, 1999].

Сходное семантическое развитие можно предположить и для *pinv-*, начальные значения у которого, предположительно, были 'раздуться, толстеть; делать толстым', а также 'изобиловать'; позднее на почве последнего исключительно в метафорических контекстах появляется переносное значение 'изобиловать жидкостью; фонтанировать' — как, к примеру, в ...*pra pinvata vRshNo aśvasya dha:ra:H* (RV V.83.6) 'сделайте, чтобы били ключом потоки жеребца!' [Елизаренкова 1995: 85].

Глагол *pru-* исходно означал 'мягко подпрыгивать, двигаться плавными прыжками' и не обязательно предполагал воду или иную жидкость в качестве среды передвижения. Например, в предложении ...*tamu:hathuH ... antariksha prudbhirapodaka:bhiH* (RV I.116.3) '...вывезли его на ... **плывущих** по воздуху ладьях' [Елизаренкова 1989: 141] соотносительности глагольной формы с именем класса «жидкость» не предполагается.

Базисными для ведийского *pR:- / pRN-* являлись значения 'наполнять(ся)'. Только в особых контекстах глагол приобретал значение 'переполняться (водой), наполнять (жидкостью до краев)' — ср., например, ...*sama:namu:rvaM nadyaH pRNanti* (RV II.35.3) '...общее вместилище **наполняют** реки' [Елизаренкова 1989: 278].

Сходно развивалась и семантика глагола *sRj-*, который использовался в обеих формах древнеиндийского прежде всего в значениях 'испускать, издавать', но в маркированных контекстах приобретал и специализированные значения 'испускать (жидкость); позволять течь' — например, ...*vRshabhaH ... avasRjat ... sapta sindhu:n* (RV II.12.12) '...бык ... **выпустил** ... семь рек' [Елизаренкова 1989: 250].

Из вышеперечисленных глаголы *kshar-*, *snu-*, *ścut-* употреблялись почти исключительно в ведийских текстах. Например: *ksharanna:po na pa:yana:ya ra:ye...* (RV I.116.9) 'как воды **стремятся** для питья, (так потекли они) для богатства' [Елизаренкова 1989: 142] или *tubhyaM kha:ta: avataH ścotanti* (RV IV.50.3) 'для тебя **сочатся** зарытые колодцы' [Елизаренкова 1989: 414]. В санскрите употребительность этих глаголов уменьшается.

Что касается *si-*, то этот глагол употреблялся в ведийский период прежде всего в связи с ритуалом выжимания Сомы и означал 'выдавливаться(ся)'; в сочетаниях с именами жидкостей он приобретал и вторичное значение '(обильно) течь', откуда, к примеру, отглагольное имя *prasava-* 'течение': ...*arsha:daha prasavaH* (RV III.33.11) '...пусть (снова) ринется твое **течение**' [Елизаренкова 1989: 324]. В ходе эволюции индоарийского частотность употреблений форм этого глагола постепенно и неуклонно сокращалась.

Часть из перечисленных выше глаголов при использовании в ведийских текстах характеризовалась семантикой 'двигаться вообще; перемещаться вообще'; только в особых контекстах ими приобретались значения типа 'передвигаться (в жидкостях); двигаться (самой жидкости)'. Одним из показательных в этом отношении был глагол *car-*, изначально означавший 'пасти(сь)', а позднее — '(пере)двигаться; бродить'. Сочетаясь с именами класса «жидкости» в позиции субъекта, данный глагол мог также означать 'двигаться (о жидкостях); струиться; течь' — например, ...*sama:naM yonim anu saMcaranti:* (RV III.33.3) '...(пришли к рекам,) **следующим вместе** по общему руслу' [Елизаренкова 1989: 323] или ...*anu yoniM devakRtaM caranti:* (RV III.33.4) '...**двигаюсь** по руслу, созданному богами' [Елизаренкова 1989: 323].

Аналогичным было и положение в ведийском глагола *ya:-*, «стандартные» значения которого '(про)двигаться; достигать'. В контекстах метафор, сравнений и уподоблений, сочетаясь с именами жидкостей, глагол приобретал частные значения 'катить (воды); течь'. Так, обращаясь к рекам, Вишвамित्रа говорит: ...*samudraM rathyeva ya:thaH* (RV III.33.2) '...(Вы, реки,) **движитесь** к океану, словно две колесницы' [Елизаренкова 1989: 323], а восхваляющие себя реки отвечают: *vayaM ... ya:ma urvi:H* (RV III.33.6) '...(По побуждению Савитара) мы **двигаемся** (= 'катим воды'. — Б. З.) широко' [Елизаренкова 1989: 324].

Сходной была и ситуация с глаголом *syand-* 'мчаться, (быстро) проноситься; пролетать', который при сочетаемости с именами жидкостей означал '(быстро) струиться, течь стремительным потоком' — например, ...*syandanta:M kulya: ...* (RV V.83.8) '...**Пусть хлынут** ручьи!' [Елизаренкова 1995: 85]. В санскрите значения 'быстро катиться (о водах)', 'быстро течь' у *syand-*, сочетающимся в предложениях с именными группами поля 'жидкости', становятся регулярными: ...*aMga-nisyanda-jalena locane pramRjya...* [Ka:lida:sa 2018: III.41³] 'Промыв глаза водою, **устремлявшейся** из ее членов' [Ka:lida:sa 2018: 136]; при этом в сочетаниях с именами-артефактами, означающими средства передвижения ('лошади', 'колесницы' и т. п.), *syand-* и в санскрите сохраняет «традиционные» значения 'мчаться, (быстро) проноситься'.

К глаголам, способным обозначать передвижение тем или иным способом в любой среде, необязательно водной, следует причислить и *tR:-*, основными значениями которого в ведийском были 'пересекать', 'достигать (противоположного края, стороны, а также — цели, конца, результата и т. п.)' и 'спасать(ся)'. Вариантом 'пересекать' было значение 'переправляться (через водную преграду)', откуда также — 'переплывать; плыть, плавать'. Сравни, например, *yat ... tva:M bhara:ta:H saMtareyuH...* (RV III.33.11) 'Когда ... через тебя (обращение к реке. — Б. З.) переправятся Бхараты...' или *ata:rishur bhara:ta:H...* (RV III.33.12) 'Бхараты переправились... (через реки. — Б. З.)' [Елизаренкова 1989: 324].

Другим глаголом передвижения был *vah-*; в рамках ведийского его основными значениями являлись: 'нести; везти (груз, телегу и т. п.); вести'. Из числа периферийных можно назвать следующие: 'про(из)водить (ритуальные действия, обряды); приводить (к чему-либо), служить причиной; уводить / увозить (жену / невесту к себе в дом) = жениться; носить (одежды и т. п.); нести (плод при беременности); веять (о ветре); проходить, кончатся, пропадать'.

В ведийском значения 'везти', 'вести' доминируют, и выражающие их глагольные формы демонстрируют сочетаемость с любыми именными классами. Например, *sa deva:n ... vakshati* (RV I.1.2) '**Да привезет** он ... богов!' [Елизаренкова 1989: 5]; ...*rathaM ... vahantaH ... bhuvana:ni tasthuH* (RV I.35.5) '**Везя** ... колесницу, ... пребывают племена (людские)...' [Елизаренкова 1989: 45]; *yau ... vimada:ya ja:ya:M...*

³ При ссылках на стихотворные произведения Калидасы, помимо обычных указаний на страницы текста, могут использоваться также цифровые комплексы. В подобных случаях первая (римская) цифра обозначает соответствующий раздел произведения (*sarga-*), а последующая (арабская) — номер стиха. Здесь и далее все переводы примеров из произведений Калидасы на русский язык выполнены Б. А. Захарьиним.

nyu:hatu: rathena (RV I.116.1) ‘Которые для ... Вимады **привозили** жену на колеснице’ [Елизаренкова 1989: 141]; ...*tam u:hathur naubhiH*... (RV I.116.3) ‘(Вы) **вывезли** его на ладьях ...’ [Елизаренкова 1989: 141]; *rayiM sukshatraM svapatyam a:yuH suvi:ryaM na:satyā: vahanta:...* (RV I.116.19) ‘**Везя** богатство, счастливую власть, (долгий) срок жизни, о Насатьи...’ [Елизаренкова 1989: 143]; *a: tva: mantra:H ... vahantu...* (RV X.14.4) ‘Да **привезут** тебя молитвы...’ [Елизаренкова 1999: 129, 715, 729]. Возможны, хотя и менее часты, формы от *vah-* и в значении ‘нести’ — например, *tasya jyeshThaM mahima:naM vahanti:H ... pariyaṅti yahvi:H* (RV II.35.9) ‘Неся его высшее величие, ... его окружают юные (воды)...’ [Елизаренкова 1989: 278].

В собственно санскритскую эпоху (в эпосе и в позднейших текстах) глагол *vah-*, сохраняя старые значения типа ‘нести, уносить’, приобретает и закрепляет в качестве регулярных новых и те из значений, которые прежде использовались во всякого рода переносах, в частности значения ‘нести (по водам, ветру и т. д.)’ и ‘нести воды (о реках, потоках и т. п.)’. Эти последние присутствуют и в таких именных производных, как, к примеру, *vahana-* ‘течение’ и ‘судно, лодка’; *va:ha-* (< кауз. от *vah-*) ‘текущий’, *payo-va:ha-* ‘туча’, букв. ‘воды-носитель’, и в др. Сравни у Калидасы: ...*syandanama:sthitau pra:vRsheNyāM payova:ham...* (Ka:lida:sa 2018: I.36) ‘оба уселись на колесницу (подобную) **туче**, (которая) изготовилась пролиться дождем’. В дальнейшем глагол *vah-* в санскрите закрепляет и другие «акватические» значения, как то: ‘сносить (течением); скользить, плавно перемещаться (по воде); плыть; струиться, течь, литься; заливать(ся), затапливать(ся), покрывать(ся) (водой); таять; бить фонтаном; истекать (кровью при месячных)’.

В древнеиндийском имелись глаголы *ga:h-* и *majj-* со сходными первичными значениями ‘погружаться, тонуть’. В языке Ригvedы встречаются и личные формы от указанных корней, но чаще используются именныe дериваты от них — например, *ga:ha-* ‘глубина’ или *majjān-* ‘костный мозг’ (< ‘погруженный в глубины’). Санскрит сохраняет оба глагола в приблизительно тех же значениях — например, ...*hima:layo ... toyanidhi: vāga:hya sthitaH* (Ka:lida:sa, Kuma:ra-saMbhava, I) ‘Гималаи стоят, **будучи погруженными** в оба океана’ или ...*saritto gaja unmatajja* (Ka:lida:sa, Raghu-vaMśa, V.43) ‘из (глубины) реки **всплыл** слон’.

Имелись также два близких по форме древнеиндийских корней — *lu(N)D-* и *luTh-*, означавших ‘вращаться, переворачиваться (со стороны на сторону), раскачиваться; возбуждаться’. Оба были достаточно редкими, и оба употреблялись в контекстах, необязательно предполагающих связи с водной (жидкой) средой.

3. Изменения в семантике наиболее употребительных акватических глаголов в ходе эволюции индоарийского от древнеиндийского к среднеиндийскому состоянию

Изменения, касающиеся основных глаголов из представленного выше перечня, в ходе их движения в рамках древней и средней фаз эволюции индоарийского, говоря коротко, сводится к следующим процессам: контаминации корней, утрате корнями исходной глагольности, переформированию глагольных означаемых.

Так, *plu-*, в ведийском могший иметь значения ‘плыть, плавать’, еще в санскрите контаминируется с *pru-* ‘двигаться враскачку / подпрыгивая (на волнах и т. п.); прыгать, спрыгивать; скакать, пере- / подскакивать’ [Monier-Williams 1899: 715], и таким путем корень *plu-*, сохраняя собственный набор значений, приобретает и те, которые ранее характеризовали *pru-*.

Эта контаминация, с одной стороны, может объясняться чисто фонетическими причинами: интер- или предвокальный ведийский /r/ в санскрите нередко замещается // — сравни переходы типа вед. *rabh-* > скр. *labh-* ‘получать’; вед. *puru-* > скр. *pulu-* ‘много’ и т. п. [Елизаренкова 1982: 69]. С другой стороны, нельзя исключить и семантические схождения между глаголами: хотя бы какая-то из лексем для *plu-* могла предполагать толкование вида: ‘перемещаться в жидкой среде, совершая плавные восходяще-нисходящие движения типа прыжков’, — которое включает в себя в качестве частного случая толкование для *pru-*.

Показателен наблюдающийся уже с эпохи Ригvedы разброс значений в именных производных от *plu-*. Так, одно из наиболее частотных из них *plavá-* могло, помимо прочего, означать: ‘наводнение, потоп; купание, плавание; соскальзывание, скольжение; передвижение прыжками; погружение, прыгание; карандава (порода утки); лягушка; обезьяна; корзина для ловли рыбы’, — а сформированное на базе *plavá-* сложное слово *plavaMga-* букв. ‘прыжками ходящий’ на протяжении веков (вплоть до нового времени) регулярно использовалось и в значении ‘лягушка’, и в качестве постоянного эпитета для предводителя обезьяньего войска Ханумана [Monier-Williams 1899: 715].

Начальная консонантная группа *pl-* с артикуляторных позиций оказывается крайне неудобной для среднеиндийского, поэтому уже в ранних праkritах (например, в пали) глагольные формы, восходящие непосредственно к (бесприставочному) санскритскому корню *plu-*, не сохраняются. Уцелевают лишь немногочисленные основы, связанные с историческими превербами, к эпохе санскрита превратившимися в глагольные приставки. Сравни, например, палийские основы *pariplava-* ‘качаться, колыхаться (на воде); пропитываться / заливаться (водой); дрожать, трястись’; *uplava-* / *upplava-* (< др.-инд. *ud-plu-*) ‘всплывать; выпрыгивать; подниматься; плавать (на воде)’; *upaplava-* (< др.-инд. *upa-plu-*) ‘плыть, проплывать’ — ср. пример из [Andersen 1913: 222]: *di:pa: di:paM upaplaviM* ‘плыл от материка к матерiku’⁴.

Корни *plu-* и *tR:-* в ведийском нередко сочетались с превербами, наиболее частыми из которых были антонимичные *úd-* ‘вверх’ и *áva-* ‘вниз’. Уже в самом ведийском эти унаследованные из протоиндоевропейского частицы практически утратили автономность, трансформировавшись в глагольные приставки, — см. [Елизаренкова 1982: 256, 259—260]. В санскрите приставочный статус указанных единиц окончательно закрепился, а в среднеиндийском в связи с процессами переразложения в ос-

⁴ В цитированном критическом издании «Сутта-нипаты» к данному примеру даются примечательные варианты: (*di:pa: di:paM upaplaviM // upapplaviM // upplaviM // upallavi(M)*), демонстрирующие, что в среднеиндийском сохранились лишь такие и только такие приставочные основы от корня *plu-*, которые предполагают исключительно интервокальное положение корреспондентов исторической консонантной группы *pl-*.

новах (сопровождавшимися внутренними сандхи и фонетическими преобразованиями) произошло дальнейшее упрощение исторических превербов и их слияние с корнями. Так, к примеру, *úd-* могло дать среднеиндийское *u-*, а *áva-* — *o-* или *u-*. Однако, несмотря на возможную омоформию (*u-* < *úd-* и *áva-*), указанные среднеиндийские приставки на уровне содержания сохраняли свои — исходно противоположные — значения.

В этой связи предложенное Рис-Дэвидсом объяснение для каузатива *upla:pe-* (< др.-инд. *ava-pla:vaya-*, кауз. от *ava-plu-*) 'погружать (в воду)', предполагающее историческое замещение преверба / приставки *ava-* 'вниз' на антонимичное *ud-* 'вверх' [Rhys Davids 1966: 152], является абсолютно фантастичным. Помимо того, что столь радикальный сдвиг в семантике приставок в силу названных выше причин представляется невероятным, в глаголе отсутствует обычное удвоение следующей за краткой гласной начальной согласной основы (должно было бы быть что-то вроде **uppila:pe-*), и, вдобавок, в пали имеются и глаголы-дублеты *opila:pe-* / **ubbilla:va-* с тем же кругом значений 'погружать (в воду)', 'топить' (возможно и переносное значение 'лишать кого-то власти, влияния'). На самом деле все отмеченные выше формы восходят к древнеиндийскому приставочному каузативу *ava-pla:vaya-*; в раннем пракрите (в пали) приставка *ava-* стянулась в *o-*, а в позднейших пракритах это безударное *o-* ослабилось в *u-*.

Личные формы от глагольного корня *sna:-* 'искупываться; совершать (ритуальные) омовения', начиная с Вед и вплоть до эпохи пуран, встречались в древнеиндийских текстах. Использовались также и личные формы, построенные на базе каузатива *sna(:)paṇa-* 'купать, омывть, очищать (водой); заливаться слезами, оплакивать, выплакивать (что-то)'.
 Еще более употребительными, чем личные формы, начиная с периода древности и вплоть до нового времени, были именные производные от *sna:-* — типа *sna:na-* 'купание в священных водах, ритуальное омовение (как одна из шести ежедневных обязанностей брахмана)' или *sna:taka-* 'омывшийся' (как обозначение юного брахмана, совершившего ритуальное омовение / купание после окончания периода ученичества и готовящегося к переходу в статус домохозяина).

В пали как представителе ранних пракритов начальная группа *sn-* подверглась регулярному замещению на *nh-/nah-*, откуда палийское *naha:ya-* (реже) *nha:ya-* (< др.-инд. *sna:-* и производной от *sna:-* каузативной основы *sna(:)paṇa-*) 'омываться, купаться, мыться (в обычном, неритуальном, смысле)', но также и 'совершать ритуальные омовения'.
 В значениях 'течь, струиться, литься, просачиваться, капать' глагол *sru-* употреблялся в эпоху Ригvedы. Ко времени складывания эпических текстов он, сохраняя прежние, приобрел и новые значения: 'выскальзывать; пропадать; гибнуть' и т. п. Именных производных от него было немного, одними из самых частых являлись: *sravá-* 'течение; струя; водопад', *srotR-* 'течение; поток', *srutá-* 'струющийся; текущий' [Monier-Williams 1899: 1274].

Уже в пали употребительность этого глагола и его производных падает. Одной из причин, возможно, было (наметившееся еще в древнеиндийском) смешение корней *sru-* и *śru-* 'слышать / слушать': из-за наличия в пали только сибиланта /s/ оба корня имели вид *sru-*. Другая возможная причина — произошедшее в начале сред-

неиндийской эпохи существенное преобразование семантики древнеиндийского глагола *vah-*, для которого ранее периферийные значения ‘нести течением / нестись по течению; нести воды’ и т. п. постепенно выдвигаются на передний план, предопределяя ослабление позиций *sru-*.

Древнеиндийские корни *ga:h-* и *maji-* ‘погружаться, тонуть’ получают продолжение в (приставочных по происхождению) палийских глаголах *uttujja-* ‘всплывать’ и *oga:ha-* ‘погружаться’ (из, соответственно, др.-инд. *ud-maji-* ‘всплывать, выходить (из воды)’ и *ava-ga:h-* ‘погружаться’).

Палийские глаголы *luT(h)a-* / *luLa-*, восходящие к древнеиндийским корням *lu(N)D-* / *luTh-* (см. раздел 2), уже в пали (как в представителе раннего среднеиндийского) окончательно закрепляются в рамках поля ‘движение жидкости’ и приобретают типовые значения ‘бурлить; бурно течь; мутиться, быть взболтанным’. Соответствующие частотные и семантические характеристики эти глаголы и производные от них сохраняют и в более поздних формах среднеиндийского.

Существенному преобразованию в ходе эволюции индоарийского подверглась семантика глагола *tR:-*. Для древнеиндийского, как отмечалось, доминирующими являлись значения ‘пересекать’ и также ‘достигать, добираться (одолевая какие-то преграды, до чего-то)’; производными от этих примарных оказываются такие периферийные значения, как ‘преодолевать; проносить (что-то через что-то); одерживать верх; подчинять; осуществлять / достигать (цели); спастись’. При этом уже в текстах Ригvedы одним из вариантов значения ‘пересекать’ могло быть ‘переплывать (реку и т. п.)’; в санскрите оно стало регулярным.

Связь с водной средой обнаруживалась и в ряде значений санскритского приставочного глагола *ut-tR:-*, который, наряду с базисным ‘пересекать, добираться до противоположного края, двигаясь снизу вверх’, мог также означать ‘выходить / выскакивать (из воды); выбираться, высвободиться (из неблагоприятной или опасной среды, включая воду)’. Однако для антонимичного приставочного *ava-tR:-* основным значением оставалось ‘пересекать, двигаясь сверху вниз’, а значение ‘погружаться, опускаться (в воду)’ оказалось периферийным.

В среднеиндийском (например, в бесприставочных глаголах *tara-* пали или *tara-* литературных пракритов) сохраняются те же два комплекса важнейших исходных значений — ‘пересекать’ и ‘переплывать, плавать’, — но теперь они характеризуются приблизительно одинаковой статистической распределенностью в текстах. Историческое «утяжеление» комплекса ‘перемещение в водной среде’ оказывается особенно заметным в приставочных глаголах типа палийского *uttara-* (< др.-инд. *ud-tR:-*) ‘подниматься из воды, всплывать’ и также ‘плавать’, и в антонимичном палийском *otara-* < др.-инд. *ava-tR:-*) ‘спускаться’, а также ‘погружаться’.

Типовыми значениями для ведийского *vah-* являлись, как отмечалось, ‘везти, вести’, а также ‘нести(сь)’, откуда — периферийные в ведийском, но в санскрите уже закрепившиеся — значения ‘нестись (по водам, ветру и т. д.)’ и ‘нести воды (о реках, потоках и т. п.)’.

В пали как представителе раннего среднеиндийского и в других среднеиндийских языках в целом сохраняется характерная для санскрита семантика соответст-

вующих когнатов *vah-*. Ср., например, палийские формы: *vaha-* ‘нести, везти’; *vahana-* ‘несущий, уносящий’ и также ‘течение’; *vaha-* ‘везущий, ведущий’ и также ‘несущий’, в частности, ‘несущий воды’ — например, в сложной основе *va:ri-vaha-* ‘несущая воды, полноводная’ (обычный эпитет реки).

4. Акватические глаголы в новом индоарийском

Проведенный анализ показывает, что в новоиндийских языковых системах Западной Индии наиболее значимыми для полей ‘перемещение в жидкости’ и ‘движение жидкости’ оказываются «наследники» семантически преобразованных древнеиндийских корней *tR:-* и *vah-*. Когнаты других корней обычно представлены используемыми нечасто отглагольными именами, а употребление личных форм относится к языковой периферии.

В связи с последним отметим, что древнеиндийский корень *plu-* почти не дал ‘потомков’ в новоиндийской глагольной лексике. К числу немногих исключений можно отнести диалектальное хинди *pale-* ‘заливать водой поле после вспашки’, возводимое через праkritское *pa:ve-* ‘затоплять, увлажнять’ к древнеиндийскому *pla:vaya-* (кауз. < *plu-*) ‘затапливать, заливать’. Известен и соответствующий именной дериват хинди *paleu:- / paleo-* ‘орошенное после вспашки поле’, построенный на базе глагола *pale-*. Другим рефлексом в сфере именных производных является хинди *pav-i:-* ‘сточная канава, арык’ (< пркр. *pava-* ‘наводнение, потоп’ < др.-инд. *plavá-* < *plu-*) [Turner 1999: 505—506].

В новоиндийских языках обнаруживается и весьма небольшое количество форм, связанных происхождением с др.-инд. *sru-*. Главным образом, это — именные производные — типа хинди: *sot- / sot-a:-* (< пркр. *sotta- / sutta-* < др.-инд. *srotR-* ‘течение, поток’) ‘источник; ключ; водопад; ручей; рукав реки’; *sot-i:-* (также из *srotR-*) ‘родник, ручей’; *soi:-* ‘увлажненное после пропуска воды поле, на котором выращивают особые сорта риса’ [Бархударов и др. 1972: 744—745 (том 2)]. Отмечен также редкий и принадлежащий к периферийной лексике глагол *su:va:-* (< кауз. *sra:vaya-* < *sru-*) ‘течь, протекать’ (поэт., устар.) [Turner 1999: 803]. В целом для новоиндийских языков роль исторического *sru-* и его производных оказывается, как очевидно, практически ничтожной.

Когнаты, восходящие к древнеиндийскому *sna:-*, употребляются и в новоиндийских языках в значениях ‘купаться, мыться’, при этом обычно они не имеют, но при необходимости могут предполагать и специальные ритуальные коннотации. Так, в хинди соответствующая глагольная основа *naha:-* означает ‘омываться, купаться, мыться’, но, в частности, может значить и ‘совершать ритуальное омовение (в храмовом пруду и т. п.)’. Заимствованное древнеиндийское *sna:n* ‘купание, омовение, принятие ванны или душа’ в хинди также может использоваться и в светском, и в сакральном стилях коммуникации; в обеих соответствующих сферах используется и аналитический глагол *sna:n kar-* ‘совершать омовение / купание’.

Почти незначимыми для новоиндийских лексических систем оказывается и когнаты, восходящие к др.-инд. *syand-* ‘мчаться, (быстро) проноситься, пролетать; ка-

тить (воды)'. Например, единственный «потомок» этого корня в хинди — диалектальный глагол *sad-* 'просачиваться, протекать; давать течь, идти ко дну (о лодке и т. п.)' [Бархударов и др. 1972: 645 (том 2)].

Как отмечалось выше (в разделе 2), древнеиндийские корни *lu(N)D-* и *luTh-*, означавшие 'вращаться, переворачиваться (со стороны на сторону), раскачиваться; возбуждаться', использовались достаточно редко. То же можно отметить и для их 'потомков' в среднеиндийских языках, хотя там их семантика уже целиком связана с полем 'движение жидкости' (см. раздел 3).

В новоиндийском употребительность возникших на основе контаминации древнеиндийских корней *lu(N)D-* / *luTh-* глагольных основ *luR(h)-* / *ruRH-* / *luR(h)-ak-* (в последнем случае с «расширителем» *-ak-*) существенно возрастает, и, что более важно, эти основы приобретают значения: 'перемещение (исключительно) в воде' и 'движение самой воды'. Так, Тернер отмечает для лахнда (западн. панджаби) *luRh-* / *ruRh-* не только — этимологически ожидаемые — значения 'катиться, перекачиваться', но и 'уноситься / утаскиваться водой' [Turner 1999: 644]. В собственно панджаби им отмечена лишь — каузативная по происхождению — основа *roRh-* 'ворочать; катить (телегу)', но также и 'давать течь (воде) / сливать' (= 'cause to flow') [Turner 1999: 644]. В панджаби имеется и — неописанная Тернером — базисная основа *ruRh-*, означающая не только 'приходить в движение, двигаться', но и — чаще! — 'течь, литься; уноситься потоком' [Рабинович, Серебряков 1961: 873]. В отличие от лахнда и панджаби, в хинди сохраняется только основа с «расширителем» *luR(h)-ak-*, предполагающая более традиционный набор значений: 'катиться; скользить / соскальзывать', — но имплицитная и связи с водой: 'расплескиваться (о воде)' [Бархударов и др. 1972: 510 (том 2)].

Новоиндийский располагает также глаголом *Du(:)b-* / *Dubb* со значениями 'тонуть / утопать / топиться; нырять / погружаться' (в хинди возможны варианты с долгой и краткой корневой гласной, в гуджарати и раджастанхрани допустима лишь основа *Dub-*, в панджаби соответствующая основа представлена как *Dubb-*). Этимология указанного глагола неясна. Тернер соотносил указанную новоиндийскую основу с древнеиндийским *buD-* и предполагал произошедшую в период среднеиндийского метатезу: **Dub(b)-* < др.-инд. *buD-* [Turner 1999: 313]. Проблема, однако, в том, что реальные текстовые использования древнеиндийского *buD-* неизвестны, так как *buD-* — «списочный» глагол, отмеченный лишь в «Дхатупатхе», лексикологическом приложении к грамматике Панини. Семантика предполагаемого прототипического *buD-*, а именно 'скрываться / прятаться; испускаться', тоже не вполне совместима с последующими значениями вида 'утопать / тонуть'. Впрочем, по причине отсутствия иных, лучших, этимологических трактовок для *Du(:)b(b)-* приходится считаться с той, что предложил Тернер.

Существенные преобразования в семантике корня *vah-*, унаследованного из древнеиндийского, происходят, по-видимому, на рубеже позднепракритской и ранней новоиндийской эпох: *vah-* (дающий *bah-* в хинди, *vag-* в панджаби, *bah-* / *vah-* в раджастанхрани, *vah-* в гуджарати и т. д.) либо вовсе утрачивает значения типа 'нести, везти, вести', либо переводит их в класс периферийных, но в любом случае стано-

вится типовым глаголом для значений 'течь, струиться; нестись по течению / уноситься течением; быть полноводным; плыть'. Весь перечисленный спектр значений характерен, к примеру, для глагола *bah-* современного хинди; дополнительными и периферийными к ним оказываются такие значения, как 'развеиваться / плыть (об облаках, тучах)', 'дуть (о ветре)'; 'расходиться, рассредоточиваться (о людях)'; 'разлетаться, рассеиваться (о стаях птиц)'; 'ниспадать / соскальзывать (об одеждах и т. п.)'; 'бродить, блуждать, терять дорогу' и др.

Закреплению связей глаголов-наследников *tR:-* с водной средой, вероятно, способствовали идеологические причины, поскольку во всех неортодоксальных религиях, и прежде всего в тхеравадинском буддизме, все нежелательное в жизни индивида (кармические циклы рождений и смертей, аффекты, невежество — как состояние неразвитого ума — и т. п.) ассоциировалось с потоком / океаном, «пересечение» которого и означало достижение «того берега», т. е. религиозно-нравственного Спасения. Такое «пересечение / спасение» имплицитно предполагало совершение индивидом значительных личностных *усилий*. Поэтому неудивительно, что восходящие к *tR:-* новоиндийские глаголы приобретают, помимо прочих (например, значений 'плыть по течению / уноситься течением' или 'находиться на поверхности воды'), еще и значение 'активно плавать', т. е. 'передвигаться по / в воде, совершая особые движения руками и ногами и прилагая при этом усилия'.

Имевшиеся у др.-инд. *tR:-* значения 'пересекать / переправляться; достигать противоположного края / цели; спастись' также сохраняются соответствующими глаголами новоиндийских языков. При этом в некоторых из них произошло расщепление исторического прототипа. Так, в панджаби, раджастхани и гуджарати восходящая к *tR:-* единая основа *tar-* (могущая иметь фонетические варианты) употребляется в значениях и 'переправляться, спастись', и '(активно) плавать', и '(пассивно) плыть по / на / в воде'. В соседнем же хинди указанное семантическое пространство частично «поделено» между различными (но восходящими к тому же *tR:-*) основами: *tair-* и *tir-* имеют значения 'держаться на поверхности воды; плавать; плыть; переплыть', тогда как *tar-* прежде всего значит 'спастись', но может означать и 'переправляться, переплыть' [Бархударов и др. 1972: 695 (том 1)]. Носители хинди, впрочем, это последнее значение у *tar-* не подтверждают и либо подчеркивают, что глагол используется исключительно при указании на духовное Спасение, либо вовсе отрицают его присутствие в их лексиконе.

Основа хинди *utara:-* 'плавать на поверхности' может означать также и 'всплывать' и в этом последнем значении семантически противостоит основе *utar-* 'сходить, снижаться, спускаться'. На этом основании некоторые лексикологи — ошибочно — трактуют *utar-a:-* как каузатив от *utar-* [Platts 1959: 15 (vol. 1)]. Однако в современном хинди регулярный каузатив от *utar-* — это форма *uta:r-* 'спускать, высаживать', а *utar-a:-* следует рассматривать как устаревшую и гиперкорректную форму каузатива, практически неупотребляемую в значении 'спускать' в современном хинди.

Этимологически *utara:-*, несомненно, происходит из др.-инд. *ut-tR:-* (см. выше): в среднеиндийском историческая гемината *-tt-* заместила одиночной *-t-*, а пост-

фиксальная *-a-* компенсаторно удлинилась; основа же *utar-* ‘спускаться’ происходит, скорее всего, из среднеиндийской *utara-* (из более раннего *otara-* < др.-инд. *ava-tR:-* / *ava-tara-* ‘пересекать, двигаясь в вертикальном направлении (сверху вниз)’). Аналогичного мнения об *u-* в *utar-* < др.-инд. *áva-* ‘вниз’ придерживался и Вакернагель [Wackernagel 1896—1954: 1], однако не соглашающийся с ним Тернер [Turner 1999: 81 (vol.1)] склонен, как и Рис Дэвидс (см. выше), предполагать включение семантики исходного *áva-* в позднейшее *ut-*, что кажется маловероятным.

5. Итоговые замечания

Этимология и семантика акватических глаголов в новом индоарийском были бегло проанализированы выше на основании данных одного только хинди. В других современных индоевропейских языках Индии, находящихся с хинди в близком родстве, семантические поля ‘перемещение в жидкости’ и ‘движение жидкости’ обнаруживают значительные схождения с тем, что было отмечено для хинди. Объемы указанных полей во всех новоиндийских языках являются почти идентичными, сами эти поля почти полностью состоят из когнатов, и, наконец, практически повсеместно центры соответствующих систем представлены глаголами, восходящими к двум (частично подвергшимся переосмыслению) древнеиндийским корням, а именно к *tR:-* и *vah-*. Многочисленные прочие древнеиндийские корни со сходными значениями либо были вовсе утрачены, либо подверглись расщеплению или контаминации, либо оставили следы в виде малозначимых периферийных производных. Таким образом, в области этимологической семантики наиболее существенным преобразованием для новоиндийских «потомков» *tR:-* и *vah-* оказалась дифференциация когнатов по линии обозначения активного плавания, с одной стороны, и пассивного плавания и/или движения жидкостей, с другой.

Однако следует помнить, что, при всем сходстве указанных полей, новоиндийские языки различаются и степенью семасиологической сохранности когнатов, и расхождениями в комплексах характеризующих лексемы параметров (подробнее см. статьи Л. В. Хохловой и Чаранджита Сингха и Я. В. Колотовой в наст. сб.).

Литература

- Бархударов А. С. и др. (сост.). Хинди-русский словарь. (75 тыс. слов.) В 2 т. / Под ред. В. М. Бескровного. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Том 2. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
- Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982.
- Елизаренкова Т. Я. Ригведа, мандалы I—IV. М.: Наука, 1989.
- Елизаренкова Т. Я. Ригведа, мандалы V—VIII. М.: Наука, 1995.
- Елизаренкова Т. Я. Ригведа, мандалы IX—X. М.: Наука, 1999.

- Рабинович И. С., Серебряков И. Д. (сост.). Панджабско-русский словарь (35 тыс. слов.) М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
Словарь — Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М.: Республика, 1996.
- Andersen D., Smith H. (eds.). *The Sutta-Nipāṭa*. London: Pali Text Society, 1913.
Ka:lida:sa, Raghuvamshamaha:ka:vyam, Chowkhamba Sanskrit Series 51. Varanasi, 2018 (saMvat).
Monier-Williams M. (ed.). *Sanskrit-English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1899.
Müller M. (ed. and tr.). *The Hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada Texts*, vol. 1—2. London; Strassburg, 1877.
Platts J. T. *A Dictionary of Urdu, Classical Hindi: and English*. (Репринт.) М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
Rhys Davids T. W. and Stede W. *The Pali Text Society's Pali-English Dictionary*. London: Luzac and Company, 1966.
Suryakanta (ed.). *The Kuma:rasaMbhava of Ka:lida:sa*, with a general introduction by Dr. S. Radhakrishnan. New Delhi: Sahitya Akademi, 1962.
Turner R. L. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*, vol. I. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1999.
Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. Bd. 1—3. Göttingen, 1896—1954.